Содержание

От автора 5

Пробуждение

1. Посвящение и ключ 12
2. Письма светлых людей 19
3. Россия 33
4. И опять о природе 44
5. Бородинское поле 52
6. Америка 60
7. Помона 71
8. MMXXII 78
9. Италия 96
10. Обретённая речь 110
11. На последнем пороге 119
12. Возвращённая родина 125

Примечания к поэме 137

Примечания — по поводу иллюстраций в тексте, текстологические и библиографические 144

Юрий Орлицкий. С запада — вспять на восток 145

От автора

«Пробуждение» — самое большое поэтическое произведение, за которое я когда-либо брался. Значительная часть текста была написана в июне 2009-го, в октябре 2019-го и в ноябре-декабре 2022-го и даже опубликована.

Но окончательный и весьма подробный план «Пробуждения» сложился только в феврале 2023-го. К этому времени мной уже были написаны три большие поэмы: «Виде́ние» (2019) терцинами, «Питтсбургские ночи: свидетельство» (2021–2022) октавами и «Сквозь два столетия: эпистолярная ода» (2022, не опубликована) строфой, о которой речь ещё пойдёт ниже. «Пробуждение» стало четвёртой и самой объёмной «большой поэмой». При наличии весьма подробного плана запись обдуманного была лишь вопросом времени, что я и сделал в 2023–2024.

В центре «Пробуждения» — путешествие лирического «я» в пространстве и времени в поисках подлинного себя и языка, на котором «я» будет говорить о себе и о мире. Это опыт индивидуальный и всеобщий, о чём говорится в эпиграфе.

От путешествия во времени происходит деление поэмы на двенадцать частей, ибо дюжина лежит в основе нашего временно́го счёта: 12 месяцев в году, 12 × 2 часов в сутках, 12 × 5 минут в часе и 12 × 5 секунд в минуте.

Пространство в поэме делится на Старый и Новый Свет и места, откуда герой поэмы родом. Не стоит забывать, что он — всё-таки персонаж, как, впрочем, масочны и персонажны и другие герои поэмы, и ни один из их голосов не выражает окончательной точки зрения автора (нечто подобное происходит в романах Достоевского). Здесь мы должны упомянуть о радикальном сближении современных русских поэзии и прозы (о прозаизации

поэзии и о поэтизации прозы), которое просто запомним как факт, ибо сам разговор уведёт нас далеко.

Пространство и время помогают главному герою разобраться с тем, что его ждёт в конце путешествия, и его завершение или *пробуждение* оказывается началом нового, уже выходящего за пределы созданного мной, повествования. Как и в больших поэмах прошлого в путешествие вторгается сверхъестественное начало — разговоры, переписка и даже сотворчество с умершими поэтами. Почему с поэтами? Главный герой — сам стихотворец и, будь он столяром, то вступал бы в общение с легендарными мастерами столярного дела из прошлых веков.

Отвлечёмся теперь от главного героя (лирического «я») поэмы. Несколько слов о себе — реальном, а не масочном авторе.

Готовясь в ранней юности к композиторству (музыку пришлось отложить в сторону, литература победила), я многому научился у моего частичного тезки Стравинского и у передовой музыки 1950–1970-х годов, которую позже стали именовать «академической» (между тем музыка, о которой я говорю, была в годы расцвета очень мало связана с консерваториями и университетами): в частности научился тому, что можно взять любой материал и при определённой с ним работе сделать его своим. Отсюда включение в текст «Пробуждения» стихотворных переводов из Саути, Лэндора, Шелли, «соучастие» в написании новых «Досок судьбы» Хлебникова и даже творческое (а не просто сокращённое) изложение переписки Шелли и Саути.

Кроме того, от несостоявшегося композиторства идёт принцип тематического развития в поэме. Главных тем четыре:

1. *Отказ от восприятия знания* (а, значит, и истории литературы и истории вообще, частной и всеобщей) *как чего-то, достойного быть помещённым в архивную папку или под музейное стекло.*

2. *Борьба между разумом и чувством* (любовью в первую очередь) *за обретение правильного языка, на котором можно говорить о мире.*

3. *Чтение*, правильное или неправильное, *мира* (а также природы, истории) *как книги и одновременно написание книги, охватывающей весь мир*. Вот как звучит тема чтения мира как книги в четырёх заключительных строфах другой моей поэмы «Питтсбургские ночи»:

CXCVIII

— «Ну что, теперь ты понял, для чего мы
здесь оказались этой ночью?» — «Да».
— «Такого пониманья стоят томы
на пыльных полках». — «Тóмы — ерунда».
— «Не говори так: разные знакомы
нам книги, в том числе и без следа
в забвенье исчезающие. Всё же
та книга, что вокруг тебя, похоже

CXCIX

(ты сам признал), она есть текст, какой
ты, прочитав, поймёшь, что нефиктивен
и ритм, и общий смысл, в себе собой
главенствующий». — «Как я был наивен
в своих сомненьях!» — «Что же: был». — «Постой,
я сам с собою был и многословен.
Но правда лаконична и пряма.
Она есть путь от первого ума

CC

через всё им осознанное к новым
к сознанью пробуждаемым умам,
что движется не только ясным словом,

но и вселенской книгой, по складам
прочитываемой, за чьим покровом
свет истины, слепительный глазам
(от нас в каком-то взмахе или миге),
что затмевает даже шифры книги,

CCI

какие начинают проступать
предметами из слишком долгой тени.
Я их могу свободно прочитать
уже без домыслов и искажений.
Они мне начинают открывать
к источнику всех наших вдохновений,
путь, уходя за видимый предел,
где новый день с востока заалел»*.

4. Наконец — и это главная тема поэмы — *речь идёт о постепенном обретении «языка: вбирающего, преображая, мир»* (слова из в восьмой части «Пробуждения» «MMXXII»).

Наличие в поэме как минимум четырёх параллельно развивающихся, но переплетённых одна с другой тем создаёт род контрапункта.

Наконец, следует сказать о чисто стиховой оснастке «Пробуждения». Многие страницы поэмы написаны пяти- (а иногда и четырёх-) стопным ямбом, рифмованным или нерифмованным, некоторые — рифмованным анапестом. При рифмованном пятистопном ямбе — исключение составляет лишь включённый в «Пробуждение» перевод «Оды западному ветру» Шелли — используется шестистрочная строфа с рифмовкой АБАБАБ, где А — мужская рифма, Б — женская. Этой строфой также

* *Игорь Вишневецкий*. Питтсбургские ночи: свидетельство // Новый мир. 2022. № 11 (1171). С. 43–44.

написаны три мои поэмы: «Сквозь два столетия: эпистолярная ода» (2022), «Тайному советнику, или О природе поэзии» (2023) и «Magister ludens» (2024). И потому, исходя из того, что до меня такой строфой писали по-русски мало, по аналогии с терциной, называемой по-итальянски terza rima, такую строфу можно назвать sesta rima di Višneveckij. Остальной текст «Пробуждения» изложен стихопрозой, свободным стихом, логаэдами и русскими имитациями античной метрики и строфики (как фрагмент **6.II. Похвала архитектуре**, в котором задействована русская версия алкеевой строфы).

Но почему бы мне было не избрать для «Пробуждения» какого-то одного размера или одного типа строфы, как я это сделал в трёх предыдущих больших поэмах («Виде́нии», «Питтсбургских ночах», «Сквозь два столетия»)?

С самого начала мне было понятно, что тематически, исторически и географически «Пробуждение» шире по охвату, мозаичней, а, значит, и разнообразней в способах изложения. А так как форма — не более, чем функция содержания, то и форма на протяжении всего повествования должна быть осциллирующей, переменчивой, вмещающей в себя многое. Поняв это, я испытал облегчение и всего за два года дописал то, над чем работал до того тринадцать лет.

Что же до типа данной поэмы, то это весьма своеобразный эпос. Начинается «Пробуждение», как того требует известная нам через Гомера и Вергилия традиция, с обращения к музам и вообще с проэмия, дальше читатель попадает, как говорил Гораций, in medias res (в самую гущу событий), а герой-повествователь путешествует по временам и пространствам, наблюдая привычное и сталкиваясь со сверхъестественным, а в конце обретает то, что мечтал обрести. Путешествие сопровождается катабасисом (эпизод 11.II), экфрасисом (эпизод 6.IV) и даже уклонением от основного повествования (эпизод 10.II),

которое тем не менее работает на целое поэмы — иными словами, всем тем, что обязательно для всякого эпоса.

И здесь мне самое время остановиться. Я приоткрыл дверь в собственную литературную мастерскую, но уже пора посмотреть и на то, что из этой мастерской вышло.

30 июня 2025

Пробуждение

Всё, что ниже — о пробуждении сознания,
о том, как сознание моё стало таким, каким оно стало.
Каждый из вас может проделать похожий путь.

1. Посвящение и ключ

I.

О муза, поддержи меня в труде
всей жизни — в этот час, при воплощенье
задуманного! Вихрями идей
моё перекипает вдохновенье,
как ветер в листьях, плещущий везде —
а, значит, и нигде в пределах зренья

стремящийся хоть как-то оплотнеть
в ритмических повторах, суть которых
в том, что в две трети ясное, на треть
чуть замутилось в пылких разговорах
листвы, и вот приходится смотреть
как сквозь стекло, чуть дымное, на ворох

взлетевших смыслов: прочь из плотных книг,
из опытов свершённых! Данный — *о, нет,*
не завершён! — как волнами возник
с началом речи, так все строчки гонит
сквозь ум мой. Полигимния, язык
надеждой укрепи, что буду понят

читателем! Сначала: да, смятён
нахлынувшим — потом раскрою в гимне
я новой непреложности закон
на языке понятном всем другим, не
лишь только со-певцам, чей мерный звон
так часто ни о чём. Так! Помоги мне

и ты, Эрато, когда я дойду
до увлечений сердца, что, не скрою,
являют заблуждений череду
и прояснений (если мне такое

дозволено сказать); с тобой в ладу,
Эрато, долгостранствие земное

куда как легче было и пока,
надеюсь, будет. А при завершенье
задуманного всякая строка
да выдержит строения давленье,
да будет сверхнадёжна будто ка=
мень крепкий в основании строенья.

Когда же заблестит в рассказе край
ретроспективой, явственной для глаза,
ты, Каллиопа, тоже помогай
в движении некраткого рассказа
к развязке — вдохновенье направляй,
прочь от петляющего парафраза

рассказанного. Сёстры, — как одна,
работая словами ли, мотыгой,
как грунт, дающий лучший сорт вина
из лоз, ум разрыхляя перед книгой,
какая прежде лозами должна
взойти в уме, тем самым свергнув иго

беззвучия, вы, сёстры, будьте мне
в той книге, что встаёт перед глазами
проектом жизни — в терпком том вине,
ещё не отстоявшемся — *руками*
в процеживанье, зреньем, что ясней
всё различает, строгими ушами.